

12+

МАЛЕНЬКИЙ РАССКАЗ

ЛОКОМОТИВ

узнаешь себя в этих персонажах?

ОЛЯ ПРОДАН

Оля Продан

Маленький рассказ: Локомотив

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66573472

SelfPub; 2021

Аннотация

В непрерывном потоке городской жизни каждый находит свой путь: кто-то пассивно плывёт по течению, а кто-то пробивает дорогу тараном и тащит за собой других. Танюха и Алёна – сёстры, но они совсем не похожи характерами. Танюха привыкла всего добиваться сама и расчищать себе путь, не обращая внимания на препятствия, а Алёне удобнее приспособливаться и быть в тени. Но иногда совершенно неожиданное препятствие и вовремя сказанное слово может коренным образом изменить расстановку сил.

«Маленький рассказ: Локомотив» описывает ситуации и персонажей, с которыми каждый из нас сталкивается ежедневно. В узнаваемых антуражах он заставляет задуматься о непрерывном движении жизни и ролях каждого человека в ней.

Оля Продан

Маленький

рассказ: Локомотив

Локомотив

– Здравствуйте! Мне на 60 поездок.

– Здравствуйте! Сколько?

– Шестьдесят. Шестьдесят поездок!

– Повторите ещё раз, пожалуйста!

– Шесть-де-сят по-езд-ок! – Таня всё дальше и дальше просовывает руку с бумажками в маленькое углубление под большим стеклом и через него же пытается докричаться до кассира.

– Шестьдесят?

– Да! – Выгибается Таня и носом утыкается в стекло.

– Ну, понятно. Надо громче говорить. Тут не театр.

– Я заметила.

– А вот хамить не нужно.

– Это я вам хамлю?

– Ой, девушка, проходите, не задерживайте. За вами ещё сколько людей стоит, посмотрите.

– А я тут тоже стояла, между прочим. Ждала. До свидания!

– И вам, и вам.

Таня хлопает по деревянной узкой стойке, раздражённо хватая с неё проездную карточку и подходит к турникету.

– Тоже мне, какие спокойные и правильные нашлись! Нет, ты видела, видела? Я валяюсь, как говорится...

– А что случилось-то? Ты аж красная вся. – Сбоку от турникета стоит Алёна, младшая сестра Тани.

Алёна приехала в Москву всего на пару дней из родного Моршанска, чтобы повидаться с сестрой и вместе с ней сходить к нотариусу, оформить какие-то очень важные документы после смерти их матери. Какие именно документы, Алёна толком не знала. Ей сказали приехать, она и приехала. Алёна, как она сама говорила, «в этих нотариусах ничего не понимала», поэтому ей было проще положиться на боевой дух Танюхи. Та всегда разбиралась с подобными вопросами на раз-два. То и дело оказывалось, что у Танюхи в каждой конторе по знакомому представителю имеется: то она знает продавца в магазине, то помощник заместителя регионального отделения полиции – сын её подруги, то начальник транспортной компании – её давний должник, то, вот, друг-нотариус фирму в Москве открыл. Если предста-

вить, что они с сестрой – это маленький поезд, то Танюха была пыхтящим локомотивом, а Алёна – вагоном-рестораном, где тепло, уютно и всегда покормят. Мать вытаскивала Танюху из милицейских отделений в непростые девяностые и прятала в детской комнате её друзей, числившихся в розыске. Но в последние годы всё чаще приходила к ней на вкуснейшие пироги и за поддержкой, потому что если Танюха рядом, ничего плохо не могло случиться.

– Шибко умные все стали, понимаешь? Я ей слово – она мне десять, я ей десять – она мне двадцать! Я что, балалайка? – Танюхины колёса набирают скорость, из-под них вылетают искры.

– Всё, всё, успокойся, давай карточку. Куда её тут прикладывать? – Алёна делает робкий шаг в сторону турникета, друг за другом звучат два сигнала, и сёстры всплывают на станцию. – Ничего себе, у вас палаты...

– Скажешь тоже, – палаты! Так, ремонтик сделали. Зачем только деньги тратить? Вот спрашивается, чем вас старые вензеля не устраивали? Я тут как-то группу китайцев встретила, так они навосхищаться не могли, каждый угол фотографировали.

– Я б тоже сфотографировала...

– Ой, брось ты! Тебе делать нечего? Вон, поезд наш. Ворон не лови, русалка! – Танюха подхватывает Алёну под руку и вталкивает в двери. Прозвище «русалка» она придумала

ла ещё в подростковом возрасте и продолжала так называть Алёну даже спустя двадцать лет.

Сёстры оказываются в вагоне. Танюха не проходит вглубь и опирается на высокий боковой поручень, что тянется от пола до потолка. Но опирается она не рукой, а спиной, и начинает тереться попой о кожаные поля шляпы пассажира. До этого он умиротворённо покачивался в такт поезда и сонливо прикрывал глаза, но шляпа стала съезжать куда-то набок, перебивая дрему.

– Извините, женщина, вы не могли бы?..—Мужчина поднимает голову наверх и касается рукой Танюхиной спины. Алёна стоит рядом и глазами переводит внимание сестры на пассажира.

– Что такое? – Разворачивается Танюха. – Я вам мешаю?

– Вы мне шляпу мнёте.

– А куда мне деться-то? Полный вагон! Где было место, там и встала.

– Тань, вагон же полупустой. Подвинься ты... – Вмешивается Алёна. Она привыкла к чувству неловкости, которое брала на себя вместо Танюхи уже не в первый раз.

– Без тебя разберусь, – бросает сестра и посылает пассажира в шляпе нахуй.

Тихая и утончённая Алёна за прошедшие два дня по-

дустала от этого вечного напора, поэтому замолчала и уставилась в тёмные окна дверей. Всю жизнь ей не удавалось вставить и слова, потому что у Танюхи заранее существовали ответы на все вопросы. Танюха разбиралась и в политике, и в мужчинах, и в экономике, и в архитектуре, и в урбанистике, и в психологии, поэтому любой их разговор с Алёной заканчивался фразой «давай ты лучше меня слушаешь, не доросла». Сколько ещё предстояло расти ей в свои двадцать семь, Алёна не знала. Ей не казалось, что восемь лет – это такая большая разница, чтобы до сих пор чувствовать себя малолеткой, но с сестрой было легче согласиться, чем ступить на бесконечно долгий путь демагогии, неизбежно переходящий в статус тропы войны.

– Наша! – Орёт Танюха и выдёргивает Алёну из забытья. – Ишь, какой! Знаешь, сеструх, раньше было лучше. Люди, блин, интеллигентными были, воспитанными. Ты же посмотри, вокруг. Уроды, ей-богу. Вот, нам кто-нибудь уступил место в вагоне? Никто! А раньше уступали. Столько мужиков в рядок сидело, и никто, понимаешь, ни один. Даже этот, шляпник, и тот свою пятую точку не оторвал. Я однажды так стояла-стояла, намекала даже – опиралась пакетами на мужика одного. А он сидел, будто не понимает. Я давай на него смотреть – сверлю взглядом, чтоб до него дошло, мол даме уступить нужно. Ни в какую! Перевелись мужики нормальные, я тебе говорю. Сейчас в Моршанск вернёшься, да-

вай там, это, того: платья, туфли, чего там у тебя ещё есть. А то ты какая-то мышь серая, ей богу. Я тебя не этому учила.

В Москву Танюха перебралась сразу после техникума и примерно тогда же вышла замуж. Но как вышла, так и зашла обратно, потому что первый муж оказался бесперспективным обманщиком. Танюха сдаваться не привыкла, поэтому второй раз подошла к замужеству сознательнее: отправилась в ЗАГС с мужчиной, на которого налетела в метро. Её пакет из «Зары» зацепился за его самокат. Но и вторые отношения долго не продлились из-за непримиримых разногласий: Танюха хотела проводить вечера в караоке и за посиделками у друзей, а муж тащил её на ночные велопрогулки. Тем не менее, Танюха оставалась при мнении, что тот самый мужик может подвернуться в любой момент, и не стоит отмалчиваться, как Алёна, а идти напролом и при случае самой хватать быка за рога.

Старшая сестра внимательно следила за жизнью младшей, объясняя это своим богатым опытом в любовных делах. Сначала Танюха угрожала первому жениху Алёны по имени Петя – в детском саду, потом обещала «прийти и разобраться» в её «четвёртый Б» со всеми несогласными, а сейчас требует от младшей сестры «нормального мужика в доме», потому что, как говорит Танюха, «если что, убью гада». Скорее всего, убить Танюха никого не могла, а фраза-

ми этими лишь выражала любовь. Как умела.

Танюха идёт быстрым шагом и расталкивает широкими плечами всех встречных, взмахами рук вспарывает тёплый подземный воздух. После каждого пассажира метро, которого ей удаётся обогнать, она или недовольно причмокивает, или тяжело вздыхает, или закатывает глаза.

– Ещё медленнее бы шли... как улитки плетутся. Чего плестись, спрашивается? А ещё, знаешь, встанут посреди перехода, – Танюха дёргает Алёну за рукав и мимикой копирует героев своего рассказа, – вот так, и смотрят на указатели. Ты сверни, дурилка, к стеночке, и смотри себе спокойно. Нет, они же встанут посередине, как памятники, людям проходить мешают.

– Так ведь можно обойти? – Спрашивает Алёна, заранее сожалея о вопросе.

– А ты попробуй, обойди. Привыкла ты, мелкая, что тамошний наш городок маленький, людей мало. А здесь каждый сам за себя. Здесь джунгли, понимаешь? Дайте же пройти... – Танюха снова прижимается к даме в длинном пальто и с чувством ущемлённого достоинства продирается через толпу, как сквозь лианы, на эскалатор. – Обрати внимание: никто во второй ряд не становится. Это почему?

– Почему?

– А потому что нетерпеливые. Ждать не могут. Торопятся,

торопятся, бегут куда-то. Всё им надо побыстрее да повыше. Ну, встань ты во второй ряд, и очередь внизу собираться не будет. Правильно же?

Танюха рассуждает так громко и долго, что её реплики подхватывает и женщина на ступеньку выше, и женщина на ступеньку ниже. Каждая из них уверенно кивает в знак солидарности, добавляя, что раньше, конечно, было лучше, что зря столько людей в Москву пускать стали, а в метро – тем более. Танюха расцветает в этом бессмысленном хоре, как петунья под ультрафиолетом. Она чувствует свою силу, когда рядом с ней – её слабая сестра; она чувствует силу, когда вокруг – такие же локомотивы, как она. И каждая из женщин убеждена, что все они, случайно собравшиеся в этот кружок по несчастью, вынуждены терпеть хамство. Себя они причисляют к касте воспитанных жителей столицы, призванных бороться с невежеством в транспорте.

Всё это перерастает в базарный галдёж, и у Алёны темнеет в глазах; смешиваются в одно пятно люди, бегущие наверх, люди, едущие навстречу вниз, жёлтые полосы ступенек, лампы-цилиндры вдоль ленты под рукой; ноги становятся ватными. Алёна только и успевает, что выдохнуть вялое «ой», опускаясь на Таню, как раз перед сходом с эскалатора. Сестра подхватывает её под руки и делает несколько широких шагов к стенке. Бьёт Алёну по щекам, трясёт за плечи. Око-

ло сестёр толпятся женщины, ставшие невольными участницами сцены на эскалаторе, собираются в кружок прохожие:

- Воды ей надо!
- Не воды, а врача.
- В скорую звоните, конечно.
- На воздух бы вынести.
- Голову ей поднимите.
- Холодненькое обычно прикладывают.
- Пьяная, небось?

И если бы Алёна не пришла в себя так быстро и не открыла бы тут же глаза, абсолютно ясным взглядом озираясь по сторонам, Танюха бы уже давно отвесила кому-нибудь из собравшихся советчиков короткую искреннюю благодарность, состоящую, по её представлениям, всего из трёх букв. Танюха молча помогает сестре подняться, зеваки медленно растворяются в толпе, не увидев ничего интересного.

- Всё нормально?
- Нормально. Не позавтракала. Или давление.
- Вот! Я же говорила, что ты со своей худобой долго не протянешь. Говорю тебе, кони двинешь.
- А нам долго ещё ехать до твоего нотариуса?
- Нет, ещё одну по красной.
- Пойдём тогда потихоньку? Я, правда, нормально себя

чувствую. Душно стало.

– Смотри, русалка. Нас там уже ждут. Он мужик, кстати, хороший. – Улыбается Танюха, пытаясь сгладить неловкость последнего события и ныряет вслед за сестрой в вагон.

– Давай пообедаем перед встречей?

– Не, – кривится Танюха, – это долго и дорого. Знаешь, какие цены рядом с его офисом? А вот перекусить на скорую руку можно. Слушай, так у меня же самса есть! – Сама себе отвечает Танюха. – Свеженькую взяла утром, прямо возле метро, пока ты с кем-то по телефону говорила. Вот такенная штука! – Танюха поднимает большой палец вверх. – Лучшая самса в городе, а я столько их перепробовала! Часто в том киоске беру. – Танюха лезет в сумку и достает жёлтый целлофановый пакет, который на свету просвечивает масляными стенками. – Не бойся, не отравишься.

– Тань, я, наверное, потерплю. – Говорит Алёна и смущённо опирается на двери вагона, когда тот трогается с места.

– Ой, не строй из себя, а? Чего терпеть-то? Голодуха – это вредно. Вчера по телеку слышала. Вроде как желудок сам себя переваривает, выделяет какой-то сок, который нас изнутри разъедает. А потом вы падать начинаете.

– Это другое.

– Ешь давай. Снова тебя ловить что ли? – Танюха разворачивает большой жёлтый пакет и начинает шуршать ещё одним пакетиком, поменьше, в который бережно закутана самса. Запах жареного мяса, лука и масла вмиг разлетается по

вагону, почти до отказа набитого пассажирами, которые едут с работы домой. Кто-то брезгливо отворачивает нос, кто-то презрительно прожигает взглядом Танюху, кто-то наоборот, пожирает пакет жадными глазами. Но сдерживаются от такого сюрприза не все, и на Танюху срывается женский голос из середины вагона:

– Алё, ку-ку, у вас мозги есть? – Даёт первый аккорд пассажирка в красном пиджаке, и Танюха оборачивается. – Нет, мне просто интересно, вы это сейчас жрать будете? Вас ничего не смущает?

– А что тут должно смущать? – Искренне не понимает Танюха, прижимая к себе самсу.

– А то, что ваш этот пирожок воняет, как я не знаю что! Я, может, не хочу в этой вони сидеть. Я терпеть должна? Вы здесь не одна. Мы тут все задохнёмся после вашего этого... не знаю даже, чего. Всё жирное, луковое, просто фу! Я такое бы в жизни не ела! А теперь должна тут стоять и нюхать? Вам не стыдно, вы скажите? И вдобавок ещё смотреть, как у вас этот лук будет изо рта падать. А что вы так уставились на меня? Спросите у других, спросите, – хотят они тоже всё это видеть или нет? Нам тут всем неприятно. Мы таких, как вы, терпим, терпим, но мы ж не бесконечные. Вы бы ещё тут себе чай налили, ей-богу. Суп с ложкой достали. Здесь вам не столовая: поезжайте домой и там ешьте, сколько влезет. А в метро, будьте добры, соблюдайте элементарные правила

приличия. Если, конечно, вы вообще знаете, что это такое...

Пассажирка отворачивается в другую сторону; воздух будто замерзает вокруг и перестаёт шевелиться вместе с дыханием пассажиров. Поезд подкатывается к следующей станции, распахиваются двери. Алёна подхватывает Танюху и буквально выталкивает её из вагона, пока та застыла в позе «самсу держащая». Её пальцы намертво вгрызаются в пакетик.

– Танюх, мы приехали. Ты чего? – Спрашивает Алёна, пытаясь вырвать из рук сестры самсу.

Но Таня молчит и смотрит вслед уходящему поезду.

– Танюх, ты чего, из-за этой, что ли? Ты же на такое внимание не обращаешь обычно. Ты ж у меня – ого-го и эге-гей, Танюх!

Таня отворачивается от сестры и ещё крепче прижимает к себе жёлтый пакетик.

– Танюх, в самом деле, перестань. Странно так, что ты ей ничего не ответила. Вы ж с ней одного поля... Ты ведь такая же...

Таня вжимает голову в плечи и медленно поворачивается к Алёне, пытаясь увернуться от табуна пассажиров. Глаза у Тани блестят, как мраморная отделка на стенах, и бегают туда-сюда. Только что сбитая с ног встречным напором такого же локомотива, как и она, Таня выглядит маленькой и лишней в этой огромной каменной пещере; выглядит, как Таня, Танечка – не Танюха. Её колёса останавливаются, и поезд дальше не идёт. Таня бросает взгляд на застывшую в толпе Алёну и пронизывает её насквозь. Алёна чувствует этот холод, по рукам бегут мурашки: таких глаз у Тани она никогда не замечала. Она подходит к сестре и обнимает её, но отдачи не чувствует. Таня стоит стволom, вросшим в каменное дно платформы. Мимо проходят люди; они цыкают на остановившихся посреди прохода сестёр, шипят им в спины, задевают сумками. Алёна чувствует, как через ворот куртки намокают её ключицы, прямо в том месте, куда Таня приложила щёку. Они стоят так, может, минуту, может, три, в ароматном коконе из лука и стали.

– Я просто не умею быть другой. – Шепчет Таня, не отрывая щёку от Алёны, когда очередной поезд закатывается в тоннель, оставляя на перроне белый шум. – Не знаю, как по-другому. Просто я такая. Я такая.

– Знаю, – отвечает Алёна, стараясь не прижиматься к масляному пакету животом, – не хотела говорить, что ты такая же. Прости.

– Нет, ты всегда так думала, а сейчас произнесла вслух. –
Таня отрывает голову от сестры и сквозь чёрные разводы фокусируется на её лице. – Но говори мне это почаще, ладно? Я постараюсь по-другому, ладно? – Таня вытирает рукавом глаза и, наконец, разжимает ладонь с пакетом. – Будешь?